

БОГОДУХОВЕННОСТЬ ПИСАНИЯ – ОСНОВА БИБЛЕЙСКОГО УЧЕНИЯ О СВЯТОМ ДУХЕ И О ТАИНСТВАХ ЦЕРКВИ

Иерей
Алексий ВАСИН

Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия (1998), Институт византийского богословия (г. Бари, Италия, 2001), Минская Духовная Академия, кандидат богословия (2004).

Можем ли мы говорить о таинствах в Ветхом Завете, когда искупительная жертва Христа ещё не была совершена? Начиная с 1-ой главы книги Бытия мы часто встречаем указания на постоянное и активное действие и содействие Святого Духа в Священной Истории богоизбранного народа. Эта история – прообраз сотериологического пути искупительной жертвы Христа Бога. Вообще, в Священном Писании Ветхого Завета достаточно обширно раскрывается представление об участии Духа Божия во многих проявлениях богодуховенности. Как можно понять такое частое участие Духа Божия и Его всемогущей благодати в ветхозаветном народе, который ещё значительно был далёк от искупительных таинств Новозаветной Церкви? Можно ли видеть в этих действиях аналог таинств христианства или только прообраз таинств в литературном смысле. Один из крупнейших экзегетов Христианской Церкви Рабан Мавр (ум. 856) в своих *Commentaria in Exodum*¹, подчёркивая важное значение книги Исход, пишет, что в ней фигуративно описываются все таинства, которыми организовывается, устраивается и питается сегодняшняя Церковь. Фигуративное описание таинств согласно логике вещей не является фигуративным существованием таинств. Таинства фактически существуют в Ветхом Завете, но для сознания Нового Завета описываются фигуративно, т. е. так, как новозаветное сознание воспринимает попытку ветхозаветного изложения таинственного содействия Духа Божия человеку или того, что мы просто называем таинством. Необходимо учитывать, кроме того, факт эволюции человеческого сознания и языка, которые создают формальное и документативное тело Священного Писания как Слова Божия. Человеческое сознание, для которого даётся Слово Божие в раз-

личные эпохи истории человечества по разному воспринимало и соответственно по разному излагало и формулировало Божественное Откровение. Ветхий Завет — как описательный литературный сборник различных эпох в хронологическом порядке равнозначен всем эпохам эры Нового Завета. Поэтому не удивительно, что людям различных эпох Ветхого Завета значительно отличающихся друг от друга прежде всего ментально, необходимы были различные формы Божественного Откровения. Но, несмотря на этот человеческий фактор, богодуховенность Писания, является тем мистическим Божественным фактором, который утверждает незыблемость Божественного Естества на протяжении всей истории человечества, включая все эпохи, которые описывает как Писание, так и выходящее за его рамки предание Церкви.

Одним из проявлений действий Духа Божия и благодати в Ветхом Завете является богодуховенность, являющаяся фундаментом не только понятия «таинство» как в Ветхом, так и Новом Завете, но и основным фактором существования Священного Писания как Слова Божия. В этот термин Церковь вкладывает ответы на вопрос и об авторстве, и о качестве, и о свойствах, и о сущности, и о природе книг Святой Библии.

Ветхозаветные и новозаветные представления о Духе Божием и о действии Его в человеке никогда не противоречили между собой, а в эволюционном порядке являются различными этапами хронологической прямой истории сакраментологии и пневматологии. Кроме того, эти представления, как документированные самим Словом Божиим, формулировки, являются важнейшими свидетельствами догматического учения Церкви. В действительности мало чего, можно добавить к сказанному в истории толкований Библии касательно значимых в литургической традиции Русской Православной Церкви всегда актуальных пророческих слов богодуховенного Псалмопевца

Давида: «Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене». Эти слова являются свидетельством и для современного служащего литургию священника о действительно совершающемся таинстве. Посмотрим свидетельства того факта, что учение о богодуховенности в Ветхом Завете плавно переходит в новозаветные формулировки, которые усложняются лишь при переводе на греческий язык, образуя новую терминологию, дополнительно употребляющуюся в новозаветной Церкви.

В 2 Петр. 1, 21 достаточно ясно процесс богоглаголения определяется основным критерием понятия «таинство». «Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым (Вульгата: Spiritu Sancto inspirati locuti sunt sancti Dei homines; греч.: ὑπὸ πνεύματος ἁγίου φερόμενοι ἐλάλησαν ἀπὸ θεοῦ ἄνθρωποι.) Действие Святого Духа — основной определитель таинства. Латинский текст выражает его как «вдохновение Духом Святым», греческий текст как «ношение Духом Святым». Это действие происходившее в Ветхом Завете можно смело описать как таинство. Святитель Филарет Дроздов в «Православном Катехизисе» определяет таинство как «священное действие, через которое тайным образом действует на человека благодать, или спасительная сила Божия»². Далее перечисляются семь таинств. Это заставляет нас почувствовать сомнение относительно того, можем ли мы называть акт богодуховения или акт действия Духа Божия таинством. В смысле Священного Писания — да. Святой Дух действует для откровения человечеству Слова Божия. Слово Божие — не только Священное Писание. Это — произносимое Духом Святым посредством богоизбранных людей Божественное Откровение, которое идентично искупительному акту Бога Отца — посланию в мир Божественного Логоса, что хронологически осуществляет-

ся и описывается Евангелием как приход в мир Спасителя, Его жизнь среди людей, Его страдания, крестная смерть, воскресение и вознесение одесную Бога Отца во славе. Можно сказать, что искупительная жертва Христа является одним из всех описанных и неописанных в Священном Писании таинств, но таинством высшим и кульминационным в истории спасения.

Всё это аналогично богодуновению происходит и в таинстве Евхаристии, в таинстве воплощения Слово Божия под видом хлеба и вина в Плоть и Кровь Второй Ипостаси Святой Троицы. Иисус Христос — то же Слово Божие, но воплотившееся. То же Слово Божие, которое в таинстве богодуновения преосуществилось посредством богодуновенных писателей в литеральное Слово Божие, т.е. Священное Писание. Не случайно литургическая символика Евангелия, как кульминационной части Богодуновенного Писания связана с самой личностью, пророчествами и земной жизнью Самого Христа. Воля Божия и действие Его зиждательной силы как таинство противопоставляются в словах ап. Петра воле человеческой «οὐ γὰρ θελήματι ἀνθρώπου».

Но что подразумевает ап. Павел в Послании к Тимофею (2 Тим. 3, 16); когда говорит о том, что всё Писание богодуновенно (θεόπνευστος, *divinitus inspirata*). Здесь ясно и конкретно речь идёт о свойстве книг Библии.

Две эти новозаветные цитаты документально подчёркивают различные аспекты понятия «таинство». В 2 Петр. 1, 21 речь идёт об искупительном действии Святого Духа в рамках спасительного откровения для всего человечества, т.е. для падшего Адама. В 2 Тим. 3, 16 мы наблюдаем действие Святого Духа в деле искупления отдельной личности, т.е. того, кто прибегает к наставлению, назиданию, к исправления и обличению. Здесь речь идёт конкретно не о качестве действия, что мы наблюдаем

в первом случае, а о свойстве самого Писания, самого Слова Божия, которое и несёт аналогичные функции приписываемые Самому Христу. Цель Писания в 2 Тим. 3, 16 — достижение праведности. Цель праведности — оправдание, искупление. Дальнейший 17-й стих называет это состояние человеческим совершенством, цель которого — оправдание на Страшном Суде Христа. Это сотериологический аспект всех таинств. Но несмотря на то, что ап. Павел и Петр выражают прописные истины Ветхозаветной Церкви по отношению к Писанию, они используют терминологию не характерную для семитской традиции. То что два совершенно разные по своей формации апостолы один — учёный, другой — рыбак свидетельствуют о богодуновенности Священных Книг, является знаком того, что этот факт очевиден и неоспорим для всех верующих Церкви Ветхого Завета. Так же необходимо отметить и интуитивную уверенность в том, что Святой Дух непосредственно принимает участие в спасении человека.

А как выражает понятие «богодуновенность» Ветхий Завет? Если взять попытки перевода этих новозаветных слов ап. Павла и ап. Петра на еврейский язык то 2 Петр. 1, 21 будет использовать оборот типа «яко с Духом Святым, который дал им, говорили мужи божи, святые», а в 2 Тим. 3, 16 слова «всё писание богодуновенно» будет звучать как «всё Написанное написано Духом Божиим». Ещё Иов, размышляя о том, что не только старость, года и возраст приносят мудрость человеку говорит: «Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение» (Иов 32, 8). В действительности, это уникальное и конкретное свидетельство того, что существует «дыхание Вседержителя» (יְהוָה נְשָׁמָה לְכָל נַפְשׁוֹ הַיָּדָה לְכָל בְּרִיאָה *inspiratio Omnipotentis*), которое вразумляет⁴ (יָדָה), как говорит еврейский текст, *dat intellegentiam*, как это выражает Вульгата или как то выражает Септуагинта ἐστιν ἡ διδάσκουσα. Дыхание это имеет в

человеке нечто аналогичное, подобное, т.е. дух человеческий. Священное Писание Ветхого Завета, как мы наблюдаем, использует эти два термина абсолютно идентично как по отношению к человеку, так и по отношению к Богу: дух человеческий и Дух Божий, дыхание в человеке, которое вдохнул ему Господь, и дыхание Вседержителя. Не случайно, во многих языках слова «дух» и «дышать» этимологически однокоренные. Библейский иврит использует два разных по этимологии термина «ветер, дуновение», «дыхание», רוח и נפש . В русском языке «дух», «душа» и «дыхание» так же этимологически родственные. Еврейский текст слов Иова, которые несут в себе ритм параллелизма свидетельствуют о том, что как «дух», так и «дыхание» находясь в человеке, в этом стихе принадлежат Богу. Т. е. по-русски этот стих целесообразнее перевести следующим образом: «ведь Дух רוח и Дыхание נפש Всевышнего в человеке и они дают ему разум». Аналогично использование Иовом и в других местах такой параллели. В Иов. 33, 4 читаем «Дух רוח Божий создал меня, и дыхание Вседержителя יְהוָה נְשָׁמָה נָתַן דָּלַל дал мне жизнь», или в Иов. 26, 4: «Кому ты говорил эти слова, и чей дух נפש исходил из тебя?» Этот термин мы встречаем как слово, обозначающее основную материю человеческой души при сотворении человека «и вдунул נפשׁ в ноздри его дыхание נפשׁ жизни, и стал человек душою נפשׁ живою» (Быт. 2,7), хотя (!) дыхание жизни и душа как это выражено в русскоязычной антропологической терминологии не являются этимологическими производными друг друга. Так же и глагол «вдунул» Ветхом Завете и «дыхание жизни». Интересное сочетание терминов «дух» и «дыхание» встречаем в Быт. 7, 22 в повествовании о потопе «все, что имело дыхание духа רוח נפשׁ жизни в ноздрях своих на суше, умерло», где подчёркивается тварность творения, погрязшего во грехе. Здесь этот термин кроме того, ставит ударение на «родственности» непослушной твари и Творца. רוח נפשׁ это то, что объединяет тварь

и Творца, это то, что творение сохранило от творца с момента своего сотворения. Эта та невидимая нить, которой материально Бог соединён с живой природой и её венцом — человеком. В Притч. 20, 27 «Светильник Господень — дух человека, испытывающий все глубины сердца». Аналогично как и в словах: «Так говорит Господь Бог, сотворивший небеса и пространство их, распростерший землю с произведениями ее, дающий дыхание народу на ней и дух, ходящим по ней» (Ис. 42, 5). Здесь прослеживается намёк на древнее иудейское представление о бытии, для которого духовный мир существует не как отдельное измерение, а это всего лишь одна из его сторон. Мир не разделяется на духовный и материальный. Духовный мир плавно переходит в материальный, а материальный — в духовный. Бог и человек являются разнополярными существами этого мира. Бытие Бога — бытие духа, который реален и по-своему является аналогом материи. Человек же сотворён из земли. Земля является в Библии эталоном тварной материи, которая в отличие от материи Духа не имеет причины своего существования сама в себе. Материя Духа — материя совершенно другого уровня. В Библии не возникает противоречий между Духом и материей, поэтому, напр., мысль о всеобщем или частном воскресении является для ветхозаветного человека всегда актуальной. Поэтому и как-бы новозаветная мысль о воплощении Бога, как и весь Новый Завет, является производным Ветхого Завета. Бог не просто материализуется: в этом сознание Ветхозаветной Церкви не увидела бы смысла, а Бог принимает плоть человека, принимает на себя человеческое бытие, утверждая единство духовного и материального. Действие Божественного Духа также как и сама природа не разделяется ветхозаветным сознанием на духовное и материальное. Дух в Танахе — явление материальное, но не тварное и не видимое, как ветер, воздух или как свет, который видим, но как бы и не имеет материальной сущности (человек той эпохи ничего о природе света не знал).

Видимый и невидимый миры — различны по уровню организации и наличию собственной воли, но одинаковы по сфере бытия, которое не обусловлена фундаментальным отношением «Дух — материя», т. е. материя и Дух не разные сферы бытия, но одна, которая не имеет отношений к аспекту видимой и чувственной реальности, как это происходит в сознании современного человека. Так же и действие Духа раскрывается в конкретных материальных, видимых делах. Напр., Бог Невидимый создаёт видимую материю-землю и из неё создаёт видимого человека, в котором и материя, и духовная сущность соединены в единое целое. Или, напр., описываемая Ис. 30, 33 палящая сила Духа Божия «Ибо Тофет давно уже устроен; он приготовлен и для царя, глубок и широк; в костре его много огня и дров; дуновение נִשְׁפָּח Господа, как поток серы, зажжет его».

Сакраментологический аспект богодуховности Писания, кроме того, ясно видим и в исторически сложившихся еще в древнем иудаизме различных аспектов интерпретации Библии, один из которых «сод» непосредственно рассматривает таинственный смысл текста, как произведения Духа Божия, как носителя Дыхания Бога, являющихся глубоким мистическим откровением для избранных.

В иудейской экзегетике Священного Писания существуют шесть основным направлений общепринятой интерпретации текста Библии, каждое из которых зависит от содержания, жанра, внешнего вида текста и от определённых качеств интерпретатора. К ним принадлежат пэшат или «ясный, конкретный смысл» Писания, дэ-раш (агадическая интерпретация), рэмэз (философско-аллегорическое толкование), сод (мистическое толкование), гематрия (смысл числовых значений слов) и нота-рикон (использование начальных и конечных букв для выявления скрытого смысла). Христианство, использующее текст оригина-

ла Священного Писания в редких случаях (в основном только в академическом богословии), базируется в вопросах понимания Писания на двух основаниях. Первое — буквальное — культивировалось Антиохийской школой, т. е. людьми, которые пытались донести до читателей различных переводов Святой Библии смысл, заложенный в первоначальный текст. Второе — аллегорическое, развитое Александрийскими учителями Церкви, которое включило в себя все остальные методы, не связанные с историко-лингвистическим познанием текста, а умением найти сокровенный смысл, который подразумевается в каждом сакральном тексте. Все эти методы не только имеют своё право на существование, но и при умелом использовании взаимодополняют друг друга и изображают широту и размах Божественного Смысла Священных Книг в отличие от литературных произведений человеческого духа. То, что отличает Священные Книги от другой литературы — богодуховность.

На первый взгляд это банальное замечание не углубляется в созерцательное богословие, но на деле оно является фундаментальным не только для духовного настроения читающего Священное Писание, но и для всего христианского вероучения и богопознания. Библейская богодуховность является прежде всего основой пневматологии и сакраментологии Ветхого Завета, которые в переводе с прагматизма семитского текста в иноказательные глубины эллинистического менталитета Септуагинты и Нового Завета дают возможность человеческой природе созерцания божества в таинствах новозаветной Церкви. Для тематического разума понятия «таинство» в Священном Писании необходимо рассмотреть значение термина «богодуховность». Каким образом они взаимосвязаны. Богодуховность — непосредственное действие Святого Духа, в результате которого возникает текст Слова Божьего. Таинство — непосредственное действие Святого

Духа, в результате которого Слово Божие живёт и действует в человеке. Слово Божие во всех случаях является таинственным источником спасительной благодати для человека. Особая таинственная или мистическая природа Богодухновенного Писания даёт рациональное объяснение попыткам увидеть мистический смысл сод, о котором говорилось выше. Существование этих попыток онтологически и доказывают саму богодухновенность Писания. Если человеческое сознание цепляется за данные аспекты текста, то в действительности, эти аспекты существуют реально, а сам смысл и метод толкования, называемые сод, по своей сущности есть таинство, мистерия или сакрамент по своей природе. Это тот смысл Слова Божия, в literalном оформлении которого благодать Божия и сила Святого Духа в таинстве богодухновенности принимали непосредственное участие. Слово Божие приняло облик Священного Писания под действием Святого Духа подобно тому, как произошло воплощение Слова Божия наитием Духа Божия. Здесь и видна разница таинства Ветхого Завета и таинства Нового Завета: в Ветхом Завете носителем благодати и Духа Божия было Слово Божие - Писание (и его содержание), а в Новом Завете – Слово Божие воплотившееся обитало среди людей. Поэтому Писание всегда литургически олицетворяет Христа Бога. Неоднозначный термин «сод» в Ветхом Завете и его употребление в тексте подчёркивают эту идею: «Тайна Господня הַתַּיִן הַזֶּה - боимся Его, и завет Свой Он открывает им» (Пс. 25,4). Кроме того, эти слова повторяют мысль о связи понятий «таинство Господне» и «завет Господень», что является фундаментальным соединением эсхатологического и литургического аспектов в таинстве евхаристии. Быть причастником, участвовать в таинстве Господнем, означает иметь возможность и способность слушать и понимать Слово Господне: «Ибо кто стоял в совете Господа הַתַּיִן הַזֶּה и видел и слышал слово Его? Кто внимал слову Его и услышал?» (Иер. 23, 18). Или

аналогичная связь в словах прямой речи самого Бога: «Если бы они стояли в Моем совете הַתַּיִן הַזֶּה, то объявили бы народу Моему слова Мои и отводили бы их от злого пути их и от злых дел их» (Иер. 23, 22). Этот термин своим содержанием здесь несёт абсолютно идентичную единению верующего с Богом в таинстве Евхаристии мысль. Так же как основной продукт таинства и здесь, и там присутствует Слово Божие. Услышать Его в Ветхом Завете означает тоже, что и увидеть Христа в Новом Завете, предсказанным тем же пророком Иеремией в 31, 31. Целью всего описанного является праведность и святость, то есть свойства Божии, которые должен унаследовать человек, состоящий в таинственном совете (сод) с Богом. В соединении с божественным таинством термин «сод» кроме того указывает на экзегетический аспект церковной соборности. Будучи объединены таинным замыслом между собой и Богом, участники (или причастники тайны) составляют совет. Совершенно иной термин используется так же пророком Иеремией под русским словом «совет», который является чем подобным, но без аспекта мистического единения: «Великий в совете הַתַּיִן הַזֶּה и сильный в делах, Которого очи отверсты на все пути сынов человеческих, чтобы воздавать каждому по путям его и по плодам дел его» (Иер. 32, 19). Посмотрим на дальнейшее использование термина «сод». Сам по себе он является более чем загадочным, поэтому очень сложным для быстрого анализа. В масоретском тексте Писания основным значением этой лексической единицы является «тайна», включающая аспекты «таинство», «тайный замысел, умысел», «сговор», «собрание», «совещание, совет», «искренние беседы», «общение» (Притч. 3, 32). Особый интерес вызывает тот факт, что традиция Септуагинты устраняет или не признаёт данный термин как важный богословский эквивалент термина «тайна», иногда грубовато заменяя его разноликими и не взаимосвязанными между собой лексическими единицами. Это очень чётко

показывают сравнительный анализы традиции Септуагинты и массоретского текста. Еврейский термин «Сод» во многих местах Септуагинты, там где массоретский текст закладывает вышеописанный смысл, заменяется на значения типа «*держава*» (Пс. 24, 14) или «*брашна*» (Пс. 54, 15). Здесь мы приводим только два примера, но на самом деле их больше. Сравним аналогичные места в различных переводах блаженного Иеронима, сделанных в 385г с текста Септуагинты и в 405г. с массоретского текста.

ПЕРЕВОД БЛАЖЕННОГО ИЕРОНИМА:		
	По Септуагинте	По Массоретскому тексту
Пс. 24, 14	<i>firmamentum est Dominus timentibus eum et testamentum ipsius ut manifestetur illis</i>	Secretum Domini timentibus eum et pactum suum ostendet eis
Пс. 54, 15	<i>qui simul mecum dulces capiebas cibos in domo Dei ambulavimus cum consensu</i>	Qui simul habuimus dulce secretum in domo Dei ambulavimus in terrore

Проанализировав эти серьёзные смысловые расхождения мы обращаем внимание на то, что эти, казалось бы совершенно разные по смыслу тексты переводов не только не противоречат друг другу, но и взаимодополняют сакраментологическую доктрину Ветхого Завета выраженную термином «*тб*». Держава, основание, крепость, а так же причастие единой пищей — значения, которые свидетельствуют о том, что все эти, а также вышеперечисленные смыслы ветхозаветного термина «*тб*» являются всего лишь различными аспектами того, что Ветхозаветная Церковь видела в значении таинства, обобщая все таинства в одно основное — действие Святого Духа и Божией благодати (богодуховенность). Аспект евхаристического общения как таинства *тб* встречаем в Притч. 3, 32: «мерзость пред Господом развратный, а с праведными у Него общение *тб*». Мистагогический аспект термина *тб* встречаем у пророка Амоса в 3, 7: «Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны *тб* рабам Своим, пророкам». Еклезиялогический же аспект ярко выражен в термине Синадального Перевода

«наперстники» в Иов. 19, 19: «Гнушаются мною все наперстники⁶ мои, и те, которых я любил, обратились против меня».

В Септуагинте встречаем и привычный нам термин «*тб μυστήριον*», который используется на месте арамейского аналога термина «*тб*», которым является термин «*т*»: «И тогда открыта была тайна Даниила в ночном видении, и Даниил благословил Бога небесного» (Дан. 2,19). Важно отметить, что основной предпосылкой полно-

ценности данного термина «таинство», является наличие и действие Святого Духа. Именно здесь Вульгата использует термин «*sacramentum*». См. Дан. 4, 9: «*spiritum deorum sanctorum (שׁוּכְרֵי הַקִּדְוָה) habes in te et omne sacramentum (תַּרְ) non est impossibile tibi*». Единственной проблемой использования греческого термина «*тб μυστήριον*» является очевидная привязанность значения к человеческому, а не божественному фактору. Этот термин близок термину *תַּרְ* в ед. ч, а во множ. ч. *תַּרְוֵי* и , которыми, нпр., Иов. 11, 6 и Пс. 44, 22 выражают тайные помышления человеческого сердца. В грекоязычном Ветхом Завете в большинстве случаев он фигурирует как тайна человеческая, а не божественное таинство действия Святого. Встречается он как правило в позднейшей литературе, хронологически приближенной к эпохе Нового Завета. В Новом Завете этот термин фигурирует намного чаще с целью выразить недостижимые человеком измерения Божественного. Достаточно вспомнить исповедание ап. Павла в послании Колоссянам (1, 23-29). Центральным стихом (ст.

26) являются слова подчёркивающие сакраментологическое единство Слова Божия и Второй Ипостаси Пресвятой Троицы, «скрытое от веков и родов», воплотившееся в Тело Христа Бога, который является Церковью Божией. В действительности, как и в ветхозаветном термине «сод», здесь ярко выражается и экклезиологический аспект. В 1Тим. 3, 9 ап. Павел использует термин «τὸ μυστήριον» в сочетании «τὸ μυστήριον τῆς πίστεως». Удивительное созвучие этого греческого термина с часто встречающимся в Ветхом Завете термином в различных модификациях ἵφρη «прятание; утаивание; место, где прячутся». Случайно ли совпадение созвучия греческого «мистир» и еврейского «мистор», субстантивированный дериват от корня חפר, который значит как и вышеописанные еврейские термины и прятать, и советовать. В Иер. 49, 10 «мистор» Синодальный перевод выражает как «потаенные места»: «я донага оберу Исава, открою потаённые места его חפרו, и скрыться он не сможет». Аналогично в Ис. 45, 3, где Господь обещает открыть место, где хранятся сокрытые סתרים сокровища. Ещё раз в Притч. 27, 5: «Лучше открытое обличие, нежели скрытая חפרת любовь» (Так же см. 1Цар. 23, 19; 1Цар. 26, 1 и Пс. 54, 2). Особо хочется обратить внимание на этот термин в составе имени Божьего «Бог Сокровенный» в мессианских словах и исповедании пророка Исайи: «Истинно Ты Бог Сокровенный, Бог Израилев, Спаситель» (Ис. 45, 15). Здесь Сокровенным, т. е. таинственным, называется Сам Спаситель. Во Втор. 32, 38 одно из производных этого же корня חפר, Синодальным текстом Библии переводиться как «покров». В Суд. 3, 19 таинственное/тайное слово/дело חפר-חב (греч.: λόγος κρύφιος, лат.: verbum secretum) выражает тайное поручение Аода Еггону, царю Моавитскому. В ст. 20 этой же главы Аод называет это слово «словом Божиим». Аод в этом повествовании называется спасителем, а его обоюдоострый меч является словом возмездия за горе Израиля. Эта история скрывает в себе

прообразовательно мессианский характер. Значение «покров», т. е. то, что прячет, покрывает, скрывает мы встречаем в Пс. 32, 7; Притч. 25, 23; Ис. 16, 4. В Синодальном переводе в Иов. 22, 14 облака называются «завесой חפר» Бога, через которую Он возможно не видит страдания Иова. А в Ис. 8, 17 Господь описывается как «скрывающий חפרת лице свое от дома Иаковлева». Во многих случаях слова этого корня переводятся на греческий родственными словами от «ἀπόκρυφος». Очень частым является использование в Ветхом Завете выражения «тайно/в тайне חפר» (нпр., Втор. 13, 7; Втор. 27, 15; Втор. 27, 24; Втор. 28, 57; 1Цар. 19, 2; 1Цар. 25, 20; 2Цар. 12, 12; Иов. 13, 10; Иов. 31, 27; Иов. 40, 21; Пс. 27, 5; Пс. 31, 21; Пс. 61, 5; Пс. 81, 8; Пс. 91, 1; Пс. 101, 5; Пс. 139, 15; Притч. 21, 14; Песн. 2, 14; Ис. 45, 19; Ис. 48, 16; Иер. 37, 17; Иер. 38, 16 ; Иер. 40, 15). Таким образом, более чем реально игра слов и значений в употреблении греческого слова «τὸ μυστήριον» и созвучного ему и схожего по значению еврейского термина, который не разграничивает божественный и человеческий аспекты понятия «тайна, таинство». Это очень важно отметить, чтобы представить себе постановку природы и сущности термина, который может в других переводах неосознанно реализован другими лексическими единицами. Важно, кроме того, отметить и тот факт, что бытовое значение этого корня является аналогом прообразовательности сотериологического смысла таинств. Этот уникальный корень соединяет в себе значение «быть спрятанным, утаивать, скрывать» и «спасать» во всех проявлениях. Напр., в Ис. 4, 6 он используется в термине, обозначающем «прибежище»: «И будет шатер для осенения днем от зноя и для убежища חפרת и защиты от непогод и дождя». Уникально также и полное «совпадение» этого значения с греческим термином σωτηρία или σωτήρ Именно таким значением и обладает в Ис. 16, 4 слово חפר: «Пусть поживут у тебя мои изгнанные Моавитяне; будь им חפר от грабителя». В

Ис. 32, 2 встречаем этот же термин со смыслом «защита/спасение/покров от непогоды», а в Пс. 32, 7 תָּרַח звучит прямо как в исповедании «Ты - תָּרַח мой»⁷, как и во многих других словах Писания, достойных более глубокого анализа (Ис. 28, 17; Пс 27, 5; 31, 21; 61, 5; 91, 1; 119, 114).

Христианство как религия «отверженного, проклятого, распятого и т.д.» Бога исповедует вместе с пророком Исаией то, что «Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис. 53, 5). Отвержение выражено словами: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и издевавший болезнью, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. 53, 3), где подчеркнутые слова прообразовательно выражены оборотом со словом תָּרַח этого же «прообразовательно мессианского» корня. И этот аспект таинства искупления является одним из важнейших в реализации Божественной Евхаристии, которая совершается Божественной Кровью Распятого.

Корень תָּרַח аналогично использовался во многих древних языках (сирийский, египетский, эфиопский, арабский и т.д.) с идентичными значениями. Даже ассирийцы использовали родственное слово «сарату», которое обозначало определённый вид одежды, т. е. то, что прикрывает тело.

Подводя итоги, необходимо заключить, что в Ветхом Завете существовали достаточно ясные, но не систематизированные представления о сакраментологии и пневматологии, которые были выражены прагматично конкретной терминологией библейского иврита. Терминология как того и следовало ожидать не унифицирована, что связано с отсутствием целевой догматизации, как это мы видим в святоотеческом Предании новозаветной Церкви. Такая разрозненная терминология помогает чётко выявить

учение о Святом Духе и его действии (таинствах), которые являются фундаментом представлений о богодуховности Священного Писания. С переводом текста Священного Писания на греческий язык этот прагматизм исчезает, но появляется более широкое интерпретационное поле для более широкого новозаветного представления о природе Божества, о лицах Святой Троицы. Это поле было использовано отцами церкви для последующей формулировки церковного учения о Святом Духе, богодуховности Писания и учения о таинствах Церкви. Что же касается богодуховности в рамках учения Ветхого Завета, то можно подчеркнуть, что это полноценное таинство, которое прообразует евхаристическое чудо превращения Хлеба и Вина в Тело и Кровь Христа в чуде превращения Божественного Логоса в литеральное Слово Божие, т. е. в Священное Писания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ PL. V.108. C.0009

² Филарет Дроздов, святитель. «Православный Катехизис» М. 2002. С. 106

³ תָּרַח noun common feminine singular construct

⁴ Форма: вразумляет их.

⁵ נָחַח verb qal waw consec imperfect 3rd person masculine singular

⁶ Синод. Перевод: все люди тайны моей תָּרַח

⁷ לִי תָּרַח תָּרַח (греч.: σύ μου εἶ καταφυγή)